

Сологуб Федор Кузьмич

**Победа смерти: Трагедия в 3
действиях с прологом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Кузьмич С.**
Победа смерти: Трагедия в 3 действиях с прологом / Сологуб Федор Кузьмич –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 66 с.

ISBN 978-5-519-74920-6

ISBN 978-5-519-74920-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ трагедіи замѣнилъ маску полумаскою, но все еще не открываетъ своего лица. Онъ хочетъ, что-бы его узнали по улыбкѣ, змѣящейся въ углахъ его губъ.

Если же не узнають...

Всѣми словами, какія находитъ, онъ говоритъ объ одномъ и томъ же. Къ одному и тому же зоветъ онъ неутомимо.

Если же не слышать...

Развѣ стихи его не прекрасны? Развѣ проза его не благоуханна? Развѣ не обладаетъ онъ чарами послушнаго ему слова?

Улыбаётся, и проходитъ, закутавшись въ темный плащъ.

И Она съ нимъ, Змѣиноокая.

1907.

Ноябрь.

ЗМѢИНООКАЯ

ВЪ НАДМЕННОМЪ ЧЕРТОГЪ.

ПРОЛОГЪ ТРАГЕДІИ

ПОБѢДА СМЕРТИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король.

Альдонса, именуемая королевою Ортрудою.

Дульцинея, именуемая Альдонсою.

Даговертъ, пажъ.

Поэтъ, въ сюртукѣ.

Дама, въ шелковомъ платьѣ.

Сѣни королевскаго замка. Стѣны сложены изъ громадныхъ, грубо отесанныхъ камней. Въ передней стѣнѣ — огромная арка входа, черезъ которую и видно зрителямъ сѣни. Спереди широкая и пологая лѣстница до партера, который соответствуетъ внутреннему двору замка; по серединѣ вышины лѣстницы—неширокая площадка, и отъ нея отдѣляются на-право и на-лѣво двѣ лѣстницы поуже,—онѣ ведутъ подъ боковыя стѣны къ наружнымъ дворамъ замка. Въ глубинѣ и по бокамъ сѣней массивныя колонны. Отъ сѣней поднимаются вверхъ три короткія лѣстницы: средняя широкая—въ залъ пировъ и торжественныхъ пріемовъ, двѣ боковыя—узкія, изъ нихъ правая ведетъ въ королевскую опочивальню. Часть лѣстницы освѣщена луною. На ступеняхъ сидитъ король. Всматривается въ темноту неосвѣщеннаго двора, и говорить тихо, словно разговаривая съ какимъ-то незримымъ собесѣдникомъ.

КОРОЛЬ.

— Кто зоветъ меня, не знаю, и къ чему зоветъ, не могу понять. Темный призракъ, чего ты отъ меня хочешь? Невнятенъ твой голосъ, и темно лицо твое, словно туманною закрытое личиною. И не знаю, зачѣмъ я пришелъ сюда, въ это темное и полное полуночныхъ страховъ пространство. Вѣщая, ширококрылая птица разбудила меня, и я ушелъ изъ моей опочивальни, оставивъ на моемъ ложѣ мою милую супругу, сладкому отдавшуюся сну. И вотъ я здѣсь, и мнится мнѣ,

что передо мною множество невѣдомыхъ лицъ. Словно весь дворъ моего наслѣдственнаго чертога наполнился, и изъ всѣхъ оконъ, и съ галерей, и съ балконовъ смотрять на меня блѣдныя тѣни давно почившихъ. Слушаютъ,—и молчатъ. Смотрять на меня,—и ничего мнѣ не скажутъ. Страшное равнодушіе, томительное безучастіе пришедшихъ!

По боковой лѣстницѣ поднимается Дульцинея. Она имѣетъ обликъ крестьянской бѣдной дѣвушки, и всѣ здѣсь зовутъ ее Альдонсю. На ней бѣдная, въ лохмотьяхъ, одежда; волосы ея полуразвиты; руки у нея обнажены, и ноги босы. На плечѣ несетъ она коромысло съ двумя ведрами.

ДУЛЬЦИНЕЯ.

— Какъ я устала! Боже мой, какъ я устала! Они заставляютъ меня ходить къ источникамъ мертвой и живой воды, и когда я приношу наполненные ведра, они говорятъ, что эта вода моя не годится для питья. Они заставляютъ меня мыть ею полы, а меня бьютъ за то, что я приношу имъ воду горькую и терпкую. И не знаютъ, что полныя ведра сладкой воды я приношу имъ. И я устала.

Ставить ведра на нижнюю ступень. Садится на лѣстницу близъ короля, долго смотреть на него молча, и наконецъ говорить ему тихо:

ДУЛЬЦИНЕЯ.

— Не ты ли король, обитающій въ этомъ надменномъ чертогѣ и владѣющій этою темною страшною?

КОРОЛЬ.

— Да, змѣиноокая, я—король этой страны, но страна моя свѣтлая.

Всматривается въ нее, и говорить.

КОРОЛЬ.

— Я узнаю тебя. Ты—крестьянская дѣвка Альдонса, та

самая, надъ которой смѣются мальчишки за то, что безумецъ называлъ тебя сладкимъ именемъ Дульцинеи, милой очаровательницы, прекраснѣйшей изъ дѣвъ на землѣ. Ты научилась колдовать и ворожить, змѣиноокая, но не нашла себѣ жениха.

ДУЛЬЦИНЕЯ.

— Я жду короля и поэта, которые увѣнчаютъ меня. Увѣнчаютъ красоту, и низвергнуть безобразіе. Отринуть обычное, и къ невозможному устремятся.

КОРОЛЬ.

— Ведро твои стоятъ пусты, пославшіе тебя ждутъ воды, и будутъ бить тебя, если ты замедлишь на дорогѣ. Возьми свои ведра, положивъ коромысло на молодое, смуглое плечо, иди за водою, служи усердно тому, кто тебя нанялъ за малую плату.

ДУЛЬЦИНЕЯ.

— За малую плату!

КОРОЛЬ.

— Полновѣснаго и звонкаго золота не стоитъ твой рабскій трудъ. Грубыхъ объятій хозяйскаго сына въ темныхъ сѣняхъ, гдѣ пахнетъ козломъ и собакой,—вотъ достойная тебя награда. Научилась ты ворожить,—но что же пользы въ твоихъ волхвованіяхъ!

ДУЛЬЦИНЕЯ.

— Сюда идетъ поэтъ, — и вмѣстѣ съ нимъ ты долженъ увѣнчать меня, Дульцинею.

КОРОЛЬ.

— Иди за водою.

ДУЛЬЦИНЕЯ.

— Вотъ твоя милость, король! Усталую, посылаешь ты меня снова. Исполню твою волю, принесу воды живой, и принесу

воды мертвой. А теперь, король, возьми отъ меня этотъ малый даръ.

Даетъ ему амулетъ. Уходитъ съ ведрами на коромыслѣ.

КОРОЛЬ.

— Что дала она мнѣ, волшебница? Злые чары въ этомъ амулетѣ? или благое нѣчто? Но надѣну его на шею.

Надѣваетъ амулетъ на шею.

КОРОЛЬ.

— Все легко, и все свободно становится вокругъ меня. Легкая, такая легкая жизнь! Легкая, такая легкая смерть! И сладкимъ сномъ становится все предстоящее. Золотымъ сномъ.

Склоняется на ступени. Входитъ пажъ Дагобертъ.

ДАГОБЕРТЪ.

— Король очарованъ змѣинымъ взоромъ Альдонсы, и спитъ на ступеняхъ. Королева Ортруда одна. Судьба благопріятствуетъ мнѣ.

Тихо уходитъ въ королевскую опочивальню. Входятъ поэтъ и дама.

ПОЭТЪ.

— Намъ попался очень хорошій извозчикъ.

ДАМА.

— Да, онъ ѣхалъ очень быстро. Вѣтеръ шумѣлъ въ ушахъ, и замирало сердце. Но онъ странный. Точно мертвый сидѣлъ. Господинъ поэтъ, куда онъ насъ завезъ? Здѣсь тихо, темно и неподвижно.

ПОЭТЪ.

— Это—кабачекъ. Но извозчикъ мнѣ нравится. Въ стихотвореніи, которое я напишу объ этой поѣздкѣ, я назову его тройкой.

ДАМА.

— На вашемъ мѣстѣ, господинъ поэтъ, я назвала бы его автомобилемъ.

ПОЭТЪ.

— Нѣтъ, моя госпожа, лучше тройка. И я нашелъ къ этому слову хорошія рѣмы.

ДАМА.

— Какія, господинъ поэтъ?

ПОЭТЪ.

— Чародѣйка и водка.

ДАМА.

— Это хорошія рѣмы, господинъ поэтъ. Но мнѣ нравится только первая.

ПОЭТЪ.

— А къ слову автомобиль нѣтъ такихъ хорошихъ рѣмъ.

ДАМА.

— А можетъ быть, и есть.

ПОЭТЪ.

— Какая рѣма?

Слышенъ безстрастный голосъ:

— Смерть.

ДАМА.

— Вы слышали?

ПОЭТЪ.

— Слышалъ. Кто-то спрятался, и шутить.

ДАМА.

— Кто-то сидитъ на ступенькахъ.

ПОЭТЪ.

— Это—швейцаръ.

ДАМА.

— Господинъ поэтъ, вы близоруки. Посмотрите хорошенько,—это—король.

ПОЭТЪ.

— Моя господа, вы ошибаетесь: короли не сидятъ на стульяхъ.

ДАМА.

— Можетъ быть, вы правы, господинъ поэтъ. Но здѣсь скучно и страшно.

ПОЭТЪ.

— Мы выпьемъ вина и поужинаемъ.

Обращаясь въ пространство, къ партеру, зоветъ.

ПОЭТЪ.

— Человѣкъ!

Ждутъ. Всматриваются въ темноту.

ДАМА.

— Какъ здѣсь темно!

ПОЭТЪ.

— Такъ надо. Сейчасъ зажгутъ электричество. Человѣкъ!

Выходитъ Дульциея, сгибаясь подъ тяжестью коромысла.

ПОЭТЪ.

— Милая дѣвушка, вы здѣсь подаете на столъ? Дайте намъ карточку.